

Роман Качанов: «В кино непростительна безвкусица»

Константин ФИЛАТОВ

Автор нашумевших «ДМБ» и Down House режиссер Роман Качанов недавно закончил съемки нового фильма с рабочим названием «Арье, или Час перед рассветом». Фильм повествует о судьбе врача Израиля Арье, пронесшего сквозь тяготы военного детства и до конца своей жизни память о первой любви, постигшей его в оккупированной нацистами Литве. Картина собрала многих отечественных и зарубежных звезд: Артемия Троицкого, Юозаса Будraitиса, Ежи Штура, Игоря Сукачева. Уютно расположившись в маленьком кабинете в Киностудии им. Горького, Роман рассказал нам о новом фильме и о кино вообще.

— Насколько ваш новый фильм отличается от предыдущих?

— По моим внутренним ощущениям — не отличается, поскольку в нем, как и во всех других, я работал на полную катушку. Изменения и различия увидят сами зрители и уважаемые критики. Некоторые знакомые, прочитав сценарий и посмотрев отснятые куски, говорят, что это сюрреализм... Да ладно, выйдет фильм — разберемся. Я бы сказал, что этот фильм сильно про любовь на фоне всемирных катаклизмов.

— Когда появляется сценарий, вы сразу представляете, кого из актеров пригласите на съемки?

— Чаще всего образы все-таки распыляются, хотя в идеале сценарий надо писать под конкретных людей. В этом отношении удобный вариант со знакомыми актерами, друзей снимать — ничего в этом зорного не вижу. Просто не на все роли друзей по благу приглашаешь.

— Главные роли в новом фильме играют все же друзья?

— В «Арье» на главную роль я пригласил прославленного Ежи Штура, обладателя всевозможных «Медведей» и «Весток» — разумеется, не за орден, а за талант и душевные качества. Он уже снимался у меня в роли второго плана, так что мы были знакомы. Я прилетел к нему в Краков, и мы продолжительно побеседовали — о роли и не только. А на съемочной площадке мы корректировали лишь незначительные детали, так что работало легко — если съемочный процесс вообще может быть лег-

ким. (Смеется.) Конечно, было очень сложно — часть съемок проходила в Израиле, при пятидесяти градусах в тени, время ограничено... Но сам Штур сказал мне, что такие роли предлагаются раз в жизни — а ему есть с чем сравнить, он и у Вайды, и у Кеслевского снимался. О многом говорит тот факт, что пан Штур для этого фильма выучил русский язык — это его двадцать пятый язык! — и отыграл и отзвучил все сам. Правда, потом сказал, что вряд ли сделает это еще раз — очень вымотался. Что до Артемия Троицкого, так мне просто очень нравится с ним работать еще с «Down House», он очень талантливый человек. Он сам мне говорил: «Рома, ну я ведь не артист, зачем ты меня берешь сниматься» — но эти сомнения пошли скорее, на пользу, и я бы с удовольствием снял его и в следующем фильме. По крайней мере, отыграл и отзвучил он на «отлично». Ему подойдут роли людей с отрицательным обаянием, как раз такие больше запоминаются да ведь и главный герой картины, которого играет Штур, тоже неоднозначно хороший.

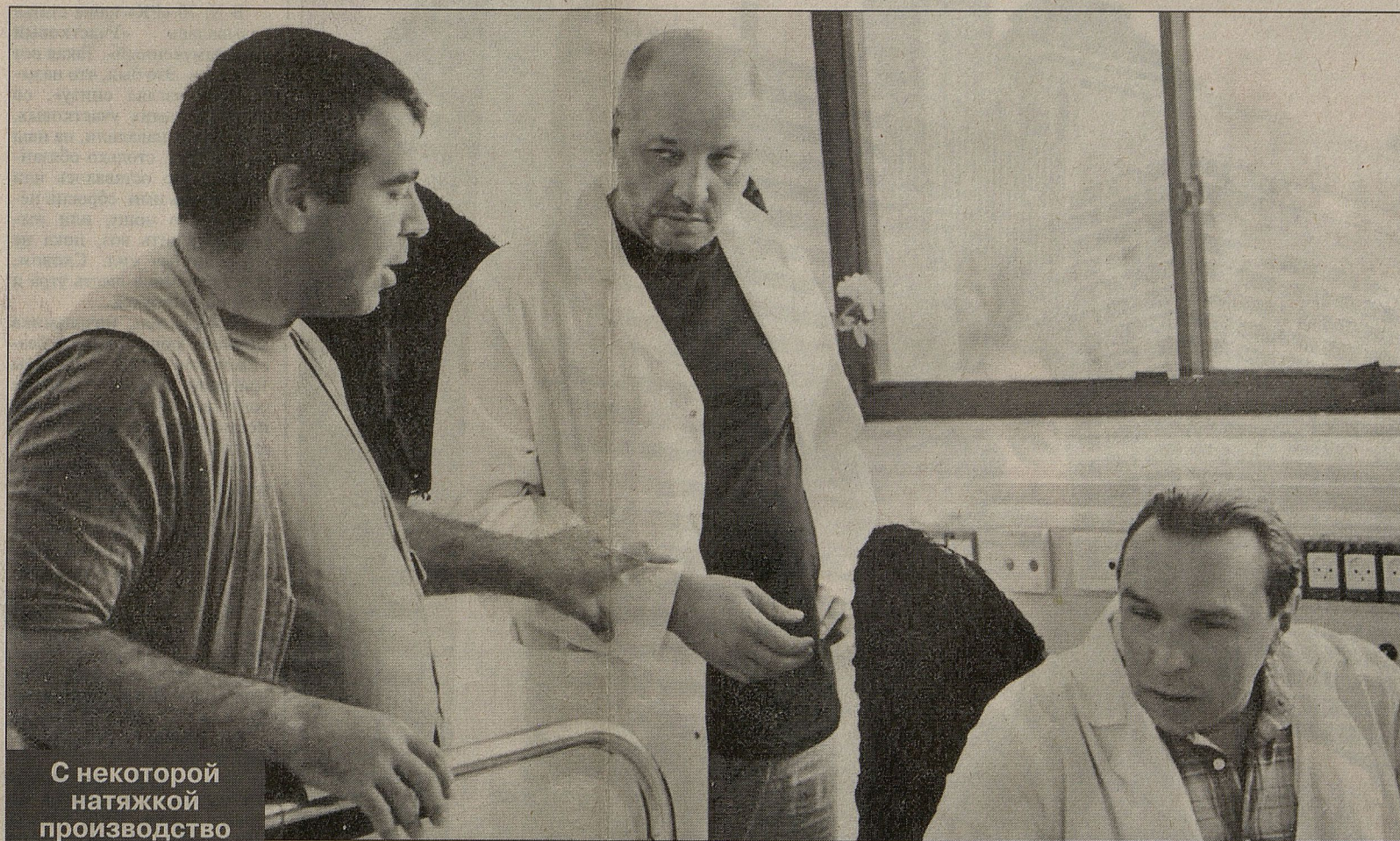
— В вашем фильме юмору будет, как всегда, отведена одна из главных ролей — или на этот раз тема не та?

— Природа смешного — вещь крайне загадочная, единственное, что могу сказать, смешное в серьезных историях вполне позволительно. Конечно, это будет не комедия — да и я предыдущие свои фильмы комедиями в чистом виде не могу назвать. Важно, чтобы кино было многоплановым, ведь если выделить один только скелет истории — действительно, чего тут смешного, но ведь на скелете еще есть мышцы, кожа. Я надеюсь, что моя картина будет неоднозначна внутри себя, там много парадоксальных моментов — за это отдельное спасибо Александру Гельману, у него веселое и грустное смешано почти поровну, как в жизни.

— Вы думаете о зрителе, когда снимаете кино?

— Ну я ведь не бесконечно оторвался от народа... Это ведь часть моей работы: полдня я творческий работник, полдня я зритель того, что сделал. Если мою зрительскую половину удовлетворяет то, что сделала режиссерская, то некоторую часть аудитории я уже завоевал. Вообще, кино — искусство синтетическое, коллективное, в процессе создания участвуют многие — так что со зрителями я связан, можно сказать, неразрывно.

— Мнение зрителей часто расходится с мнением критиков. Как вы относитесь к отрицательным рецензиям — после фильма «Down House» их было немало?

С некоторой натяжкой производство кино можно сравнить с производством водки или вообще спиртных напитков. Водку производить надо, даже если кто-то ее не любит. Естественно, паленую водку производить не надо — люди могут «коньки отбросить». Так и с кино, собственно...

— После «ДМБ», который был воспринят не только нашими, но и буржуазными критиками, на удивление, хорошо, создается впечатление, что «Down House» ругали. Вы представьте себе — было около двух тысяч публикаций абсолютно разных людей, как можно ожидать чего-то ярко положительного? А что касается резких рецензий — да хрен с ними, в конце концов. Большую часть этих людей я знаю, и они меня знают, мы при встрече жмем руки, целуемся, и мне абсолютно все равно, что они написали, — главное, что

Роман Качанов, Андрей Васильев и Гарик Сукачев. Рабочий момент съемок

не остались равнодушными к нашему с Достоевским произведению. Вешать кинокритака, как это сделал Феллини, я не собираюсь — он его, правда, лишь в фильме повесил.

— Не хотели бы поработать на телевидении? Создать свой проект?

— Да, честно говоря, я не вижу большой разницы между теле- и кинопроектами, главное, чтобы работа качественная была. Да и не предлагали мне пока, хотя я бы с удовольствием сделал телефильм — ну не сошлись пока звезды для этого. А пока ни в сериалах, ни в каких-либо других телепроектах замечен не был — правда, один раз рекламку снимал, был грех. (Смеется.)

— У вас есть любимые режиссеры, фильмы?

— То есть кто для меня является авторитетом? Сразу скажу: у меня авторитетов нет, есть только люди, которых я уважаю. Авторитет — это нечто неизменное, надо помнить о том, что даже самый лучший режиссер имеет право на ошибку. Именно поэтому я горжусь «любимым фильмом», а не «любимым режиссером». В одном настроении можно в сотый раз пересмотреть «Полночный экспресс» Алана Паркера, в другом — «Слезы капали» Даниеля, но это не значит, что мне нравится все, что они сде-

лали, или я в чем-то на них ориентируюсь.

— А есть ли кино, которое не должно существовать, по вашему мнению?

— Кино — это прежде всего производство иллюзий. С некоторой натяжкой производство кино можно сравнить с производством водки или вообще спиртных напитков. Водка употребляется хорошо. Водку производить надо, даже если кто-то ее не любит. Естественно, паленую водку производить не надо — люди могут «коньки отбросить». Так и с кино, собственно... Хотя я надеюсь, что делаю коньяк или виски. Нужна ведь разная водка, за сто, двести, триста рублей, но и коньяк напиток не антинародный — просто будут разные потребители, вот и все. А если серьезно, то в кино непростительна безвкусица — это как раз и есть та самая паленая водка, когда ты не только не получаешь удовольствия, но тебя просто травят. А грань безвкусицы в кино видна, по моему, очень хорошо, в первую очередь по результату. Иногда мне дают почитать сценарии, которые с третьей странички начинают вызывать чувство здорового отвращения — можно любить или не любить рыбу, но тухлая рыба вызывает отвращение.

— Но ведь у людей и вкусы разные. Китайцы, например, едят мозг живых обезьян — вы бы смогли это сделать?

— Ну... если очень много выпить... Но то, о чем вы говорите, — это патология, а не дурной вкус. В фильме «Ганнибал», например, едят мозг живого гомо сапиенса, и там этот эпатажный момент хорошо продуман — заметьте, там это вызывает страх, а не тошноту. На самом деле надо помнить одно: талант имеет предел, а безвкусица — не имеет, к сожалению.

— Если говорить о пределах, — есть в кино что-то, чего вы себе никогда не позволите?

— Я изо всех сил тянусь к тому, чтобы кино, которое я делаю, не было скучным. А все остальное оправдывается идеями, я не хочу быть дидактичным, так что разрешено практически все — кроме скучного и безвкусного, этих двух сиамских близнецов. Кино — искусство волшебное в первую очередь тем, что из любой истории можно сделать любой фильм. Как ты историю расскажешь, так ее и воспримут, это уже вопрос исполнения.

— То есть про что угодно можно снять смешной фильм — про концлагерь, например?

— Такой фильм уже есть, он называется «Жизнь прекрасна». Смех — это игра, игра ума, игра с жизнью. Вот Александр

Гельман мог бы многое об этом рассказать — у него детство прошло в еврейском гетто, в которое он попал в девять лет. Он сказал мне, что спастись и в первую очередь не сойти с ума ему удалось только потому, что он непрерывно играл. Игра, смех — это в первую очередь возможность абстрагироваться от действительности. Чем тяжелее ситуация, тем вернее ты из нее выберешься, если сумеешь найти в себе силы играть. Может быть, это не универсальный рецепт, но очень близкий к универсальному. Во время войн или каких-то национальных катаклизмов смех выходит на первый план, и в первую очередь смеются над врагами, потому что человек уже не боится того, над кем смеется.

— Ваш новый фильм вы снимали в нескольких странах, в

том числе в Литве. Никаких осложнений не было — учитывая тему фильма, их можно было ожидать?

— Литва — страна своеобразная, а в то время, о котором фильм, — на сто процентов профашистская. Это в людях, конечно, осталось, такие вещи для нации никогда не проходят бесследно, но никаких препятствий при съемках мне не чинили. С другой стороны, никакого отвращения я к литовскому народу не испытываю. То, что они не испытывают раскаяния за мерзости, которые творила некоторое время назад некоторая часть их народа, — это данность, и за это они платят сами. Это я — приехал, снял, уехал, а они с этим живут. Надо сказать, в литовском кино тема Холокоста, Второй мировой войны — это единственная тема, на которую они сейчас живут. У них стоит большой натуральный павильон с обстановкой концлагеря, который они не разбирают, и те два-три зарубежных заказа в год, которые у них есть, — это съемки европейских или американских фильмов о том, как литовцы и их большие друзья нацисты убивали евреев, цыган и русских военнопленных. Если вообще вспоминать о Холокосте, то надо видеть и такой ракурс: на фоне массы палачей и, мягко говоря, зверья особенно ясно выделяются праведники — люди, которые своим существованием искупают грехи своего народа, подчас даже своей жизнью. Об этом, кстати, я постарался сказать в своем фильме — хочется верить, что получилось.

— У вас есть мечта — снять что-то, до чего вечно руки не доходят?

— Мне очень хочется снять короткометражный фильм минут на десять, потому что работы мало, а удовольствие практически такое же, как от большого кино. Я вот все не могу решить — о чем бы мне короткометражку снять. Но сделать миниатюру — это действительно мечта. Может, я еще как-то внутренне не созрел, не достиг какого-то предела. Хотя каждый раз, когда ты достиг предела и пробиваешь его головой, оказывается, что там не звездное небо, а еще один потолок.

Домжур приглашает с 27 по 30 апреля

27, вторник, 19.00 — Вечер-концерт Инны Разумихиной «День Благовещения». В программе песни на стихи Марины Цветаевой.

28, среда, 19.00 — «Английская коллекция». Концертная программа группы Caprice. Художественный руководитель — композитор Антон Брежневский.

29, четверг, 19.00 — Вечер русской и грузинской поэзии в песне. Исполнители: Елена Фролова (Россия), Манана Менабде (Грузия-Германия).

30, пятница, 19.00 — «Музыкальный театр Сказок Хельги Патаки». Сказочный музыкальный перформанс. Участвуют: Хельга Патаки, Анастасия Федорова, Петр Акимов, Василий К. и другие.

302